

Е. К. ЛИГАЧЕВ

Загадка Горбачева

<Фрагменты>

В связи с болезнью Генерального секретаря ЦК ситуация в высшем эшелоне партийного руководства становилась все более нестабильной. Мы с Горбачевым отчетливо чувствовали, что внутри Политбюро были люди, которые начали активную подготовку к скорому, неизбежному перераспределению власти — с тем, чтобы перехватить ее. Вообще, атмосфера вокруг Горбачева складывалась такая, что доверительные беседы в его кабинете, особенно в связи с болезнью Черненко¹, были весьма затруднительны. Это мы учитывали... Мне было предельно ясно, что нарастающая борьба за власть затрагивает судьбы партии, страны. На мой взгляд, в то время только Горбачев был достоин того, чтобы занять высший пост Генерального секретаря ЦК КПСС, и в тот период это соответствовало интересам партии, государства. Таково было мое искреннее, глубокое убеждение, которое превалировало над личными побуждениями. В том числе, и над соображениями собственной безопасности.

Знаете, к сожалению, часть высокопоставленных, с большим стажем аппаратчиков с давних времен привыкла, как говорится, держать нос по ветру и по сугубо личным мотивам строить свои отношения с тем или иным руководителем — даже в ранге члена Политбюро, — в зависимости от того, какой у него «рейтинг». Беру слово «рейтинг» в кавычки, потому что в данном случае речь идет не о его буквальном значении, а лишь о том, благосклонен ли к тому или иному руководителю Генеральный секретарь. Если не благосклонен, а придиричив, — то реакция соответствующая. Впоследствии, между прочим, я сам в полной мере ощутил на себе эту характерную черту бывалых аппаратных «столпов». И сообразно этим привычкам, в конце 1984 года аппаратная атмосфера вокруг Горбачева начала характеризоваться некими

«вакуумными» свойствами. Думаю, Михаил Сергеевич и сам ощущал ее, но со стороны это было особенно заметно. Бывалые работники брежневской поры сперва заматались, не зная, на кого делать ставку, а затем все определеннее начали занимать отнюдь не горбачевскую сторону.

Разумеется, передо мной такой выбор не стоял в принципе, ибо я руководствовался убеждениями, а не расчетом. Столь же твердую позицию занимали многие первые секретари обкомов партии, которые тоже исходили из деловых соображений и держали сторону Горбачева. В общем, я сказал бы так: те, кто действительно работал, были за Горбачева; те, кто плел политические и аппаратные интриги, были против него. Именно эта общего характера ситуация, а не просто личные отношения с Горбачевым, привела меня к мысли пойти на откровенный, прямой разговор с Черненко. И к его чести, он этот разговор не только принял, но и сделал из него надлежащие выводы. Очень скоро мы ощутили, что холодок в отношениях Генерального секретаря к Горбачеву начал таять.

А затем и вовсе произошло событие, которое выровняло поначалу неблагоприятную для нас обстановку.

Черненко чувствовал себя неважно, как я уже писал, частенько отлеживался дома. И однажды сказал:

— Врачи советуют поехать на лечение в Кисловодск. Видимо, придется к этому совету прислушаться.

Но уже на шестой-седьмой день пребывания в Кисловодске здоровье Генерального секретаря резко ухудшилось. Его немедленно самолетом доставили в Москву и сразу отвезли в центральную клиническую больницу в Кунцево.

<...>

Однажды мне позвонил Михаил Сергеевич. Кратко, но многозначительно сказал:

— Егор нам с тобой надо съездить к Константину Устиновичу в больницу. Я договорился. Поедем в шесть часов.

<...>

Собранность действий руководства, разумеется, распространилась не на весь высший эшелон власти, который в то время в значительной степени состоял из малодеспособных лидеров.

Видимо, больной Черненко понимал это. После нашего телефонного разговора, а возможно и каких-то других обстоятельств, он стал с доверием относиться к Михаилу Сергеевичу и, вероятно, сделал свой окончательный выбор. Именно этот выбор и продиктовал нашу встречу в больнице, которая в те дни, в той обстановке имела большое значение.

В Кунцевскую больницу мы ехали с Михаилом Сергеевичем в его ЗИЛе. По дороге обсудили тактику разговора: решили не волновать Генерального секретаря, подбодрить, на такой ноте провести весь разговор.

Помню, Константин Устинович ждал нас в небольшой комнате, где был накрыт стол с чаем и печеньем. Черненко был в полосатой блеклой пижаме старого покроя. Выглядел он болезненно, хотя и лучше, чем мы предполагали. Видимо, только что принял очередную медицинскую процедуру.

Когда Горбачев рассказывал о нашей дружной работе, Черненко откликнулся:

— Об этом я знаю, помощники говорят.

Потом поинтересовался, как движется подготовка очередного Пленума ЦК, в какой стадии проекты Программы и Устава партии, — работа над ними, надо сказать, шла в ту пору полным ходом. Обсудили и некоторые важные кадровые дела.

Точно уж не помню, но, кажется, к чаю мы так и не притронулись, полностью сосредоточившись на беседе. Но минут через двадцать-тридцать почувствовали, что Константину Устиновичу становится труднее разговаривать, с его лица исчез румянец, оно побледнело заметно. Во время беседы никто в комнату не входил, но мы сами поняли, что пора закругляться. Распрощались тепло в надежде, что болезнь обойдется. Но произнести это язык не поворачивался. Мы ведь все понимали...

А на следующий день состоялось заседание Политбюро. Открывая его, Михаил Сергеевич сказал:

— Мы с Егором Кузьмичем побывали у Константина Устиновича в больнице, он просил передать...

Но не успел Горбачев закончить фразу, как раздался чей-то изумленный возглас:

— В больнице? Как? Когда?

Дело даже не в том, кто именно не смог сдержать своего удивления, а в том, что неожиданное известие действительно произвело сильный эффект. К Генеральному секретарю, как я писал, прорывались в больницу многие, но он никого не принимал. И вдруг — он сам пригласил Горбачева и Лигачева!

Безусловно, это что-то значило.

Именно так был воспринят наш визит в Кунцевскую больницу. И хотя в рассказе Горбачева о встрече с Генеральным секретарем не было в общем-то ничего, кроме общих фраз, приветов и пожеланий, можно не сомневаться, что наша поездка к Генсеку кое-кого из членов Политбюро заметно встревожила.

Что день грядущий?

Эта активность стала особенно заметной в период начавшейся предвыборной кампании: приближались выборы в Верховный Совет РСФСР, и поскольку Черненко баллотировался по одному из московских округов, его предвыборную кампанию полностью взял в свои руки Гришин².

Между тем? болезнь Генсека прогрессировала. Мне, и думаю, не только мне, но и миллионам телезрителей, было больно и стыдно смотреть, как тяжело больного человека чуть ли не насильно «предъявляют» на экранах телевизоров, чтобы он с трудом, вымученно произнес заранее заготовленный краткий текст. Рядом с Генеральным секретарем обязательно находился Виктор Васильевич — это совместное появление на телеэкране должно было, по замыслу его организаторов, внедрять в общественное сознание мысль о том, что именно Гришин фактически является вторым человеком в партии, а потому право преемственности высшей власти несомненно принадлежит ему и только ему. Кроме того, с помощью таких передач пытались убедить, что Черненко еще дееспособен и может принимать решения, в том числе, надо полагать, и касающиеся вопросов преемственности.

Я сочувствовал Константину Устиновичу, которого, несмотря на тяжкую болезнь, бесцеремонно использовали в амбициозных политических целях. Однако оградить его от этого напора ни Горбачев, ни я не могли.

Наконец, накануне выборов была затеяна встреча с Генеральным секретарем партийного актива Москвы. Встреча эта проходила весьма помпезно — в зале Пленумов ЦК, в Кремле, но превратилась в фарс. Мы с Горбачевым сидели в президиуме и видели, как нелепо все было обставлено: Черненко в это время лежал в больнице, прибыть на встречу, естественно, не мог, и его приветствие избирателям зачитал Гришин, который потом не поспешил и на славословия в адрес Черненко.

Этой же цели — показать себя наиболее верным последователем Генсека, — служила и другая затея: вручение Черненко временного удостоверения об избрании его депутатом. В тот раз Гришин, как говорится, держал на экране смертельно больного человека, чтобы заработать дополнительные очки. Но телезрители все понимали, было попросту стыдно. Ни с политической, ни с нравственной точки зрения это было недопустимо.

Но все эти политические «спектакли» лишь подтверждали близость тревожных событий.

И хотя их ждали буквально со дня на день, как часто бывает, начались они все же внезапно.

Воскресным вечером 10 марта 1985 года я находился на загородной даче в Горках-десятих. Именно там и разыскал меня тогдашний заведующий общим отделом ЦК Боголюбов³:

— Скончался Константин Устинович. Членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК сегодня же нужно собраться в Кремле. Приезжайте...

Примерно минут через тридцать я уже входил в зал заседаний Политбюро. Здесь собрались Б. Н. Пономарев⁴, В. И. Долгих⁵, И. В. Капитонов⁶, П. Н. Демичев⁷, министр обороны С. Л. Соколов⁸, другие кандидаты в члены ПБ и секретари ЦК. Вскоре из Ореховой комнаты вышли члены Политбюро, заняли свои места и тут сразу же воочию обнаружилась вся сложность и запутанность возникшей ситуации: Горбачев, который последние месяцы проводил заседания ПБ, хотя и сел за стол председательствующего, однако не по центру, а как-то сбоку.

Это как бы подчеркивало неясность вопроса о новом Генеральном секретаре.

Почтили память Константина Устиновича минутой молчания, а затем Горбачев поставил один из самых главных вопросов: когда проводить Пленум ЦК КПСС, когда избирать нового Генерального секретаря? Разумеется, Михаил Сергеевич сказал просто: «Когда будем проводить Пленум?» И все. Однако в воздухе витало именно это: Пленум должен избрать нового Генсека.

Задав вопрос, Горбачев сам же на него и ответил:

— Мне кажется, надо провести Пленум завтра, не откладывая...

Кто-то сразу же подал реплику:

— Стоит ли торопиться?

Однако эту реплику не поддержали: согласились с тем, что откладывать проведение Пленума нельзя. Огромная страна не могла нормально функционировать без Генерального секретаря ЦК КПСС, в руках которого при тогдашних порядках партийно-государственного руководства была сосредоточена большая власть.

Довольно быстро согласовали целый комплекс вопросов, связанных с организацией похорон, — начиная от публикации медицинского заключения и кончая чисто практическими мерами по обеспечению порядка. Прикинули состав похоронной комиссии.

И тут произошла заминка. Я бы сказал, очень серьезная, по-своему беспрецедентная заминка.

Когда утвердили состав комиссии, — а был он весьма широким, в него вошли почти все члены высшего партийного руководства, некоторые секретари ЦК, — Горбачев, как бы советуясь, сказал:

— Ну, если мы комиссию утвердили, надо бы избрать и председателя...

В зале заседаний ПБ вдруг повисла тишина.

Сейчас мне трудно припомнить, сколько времени длилась та явно нервная и ненормальная пауза, но мне она показалась бесконечной. Вопрос, поставленный Горбачевым, в некотором смысле был ключевым. Все понимали, что избрание председателя похоронной комиссии — это как бы первый и весьма недвусмысленный шаг к избранию Генерального секретаря ЦК КПСС. Ведь раньше складывалось так, что тот, кого избирают председателем комиссии, потом становится Генсеком. Когда умер Брежнев⁹, этот вопрос решился как бы сам собой, автоматически: председателем комиссии без всяких проблем был избран Андропов¹⁰. Когда умер Андропов, председателем похоронной комиссии тоже без затруднений стал Черненко. Я хорошо помнил то заседание Политбюро в феврале 1984 года: мы даже не задумывались над этим вопросом, как само собой разумеющееся, комиссию возглавил второй секретарь ЦК Черненко, которому предстояло стать Генсеком.

Но не так, совсем не так проходило заседание Политбюро 10 марта 1985 года. Тяжелая долгая пауза, возникшая после слов Горбачева, подтверждала худшие опасения: вопрос о Генсеке отнюдь не предreshен.

Безусловно, были члены Политбюро, которые делали ставку на другую политическую фигуру. Однако ввиду непроясненности, сложности вопроса они предпочитали открыто свою точку зрения не высказывать. В результате обмен мнениями относительно председателя похоронной комиссии приобрел какой-то размытый характер и сам собой сошел на нет. Ни одна из сторон в тот момент не была готова к решающему спору, еще неясными оставались позиции некоторых членов Политбюро, один из них — В. В. Щербицкий¹¹ и вовсе отсутствовал, поскольку находился с визитом в Соединенных Штатах Америки. В общем, нелишне повторить: хотя вопрос о новом Генеральном секретаре уже несколько месяцев витал в умах всех членов ПБ, смерть Черненко застала каждого в известной мере врасплох. Каждый хотел вновь осмыслить происходящее, взвесить расстановку сил, провести политические консультации. Здесь, в такой тактике интересы разных сторон сходились.

Заседание закончилось примерно часов в одиннадцать вечера, и все разъехались. Из высшего эшелона руководства в Кремле остались только Горбачев, я и тогдашний председатель КГБ Чебриков¹². В конце концов, Михаил Сергеевич являлся неофициальным вторым лицом в партии и в государстве, именно ему

от имени похоронной комиссии предстояло на деле и немедленно проворачивать солидный пакет принятых решений. Помню, Горбачев так и сказал:

— Времени в обрез, давайте же работать.

Примерно до трех, а то и до четырех часов утра мы очень интенсивно работали — прямо в зале заседаний Политбюро. Сами звонили по домашним телефонам, вызывая в Кремль заведующих отделами ЦК, руководителей некоторых ведомств. Иных приходилось, что называется, прямо из постели вытаскивать — ведь уже наступила глубокая ночь. Дежурные машины быстро привозили людей в Кремль, мы давали им поручения, оперативно решали возникавшие проблемы.

В напряженной и неизбежной суете той ночи некогда было смотреть на часы. Но хорошо помню: когда мы с Михаилом Сергеевичем и Виктором Михайловичем Чебриковым наконец спустились вниз, чтобы ехать домой, и вышли на высокое крыльцо здания правительства, над кремлевскими башнями уже слегка брезжил рассвет.

Это знаменитое крыльцо, которое ведет в ту часть здания, где работало высшее советское политическое руководство, смотрит на Кремлевскую стену и старый царский арсенал. В своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков¹³ упоминает о том, что его вызывали в Кремль «на крыльцо» — иными словами, к Сталину¹⁴. Правда, Жуков не разъясняет, какое именно крыльцо он имеет в виду, но, похоже, речь идет именно об этом крыльце. Днем отсюда открывается красивый вид с Никольской башней, однако ночью, при фонарях, обзор ограничивает Кремлевская стена.

В тот раз, когда под утро мы вышли на крыльцо, мой взгляд уперся именно в стену — высокую, прочную стену, закрывавшую перспективу. Наверное, сказала усталость, подспудно на сознание давила неясность сложившейся ситуации, я бы даже сказал, неизвестность. Возможно, поэтому стена, в которую невольно уперся мой взгляд, показалась мне в тот момент чем-то символическим. Мы действительно оказались как бы перед стеной, преграждавшей путь в завтра, перед стеной, за которой таилось нечто пока неизвестное. И помню, в тот предрассветный час, когда мы стояли на знаменитом кремлевском крыльце, я выразил наше общее настроение, вспомнив известные слова:

— Что день грядущий нам готовит?..

Как и многие другие люди, причастные к событиям в высшем эшелоне власти, я понимал, что в тот день решалась судьба партии и страны, ибо она напрямую зависела от того, кто будет избран новым Генеральным секретарем ЦК КПСС, а возможные

кандидатуры на этот пост были слишком полярны — и в чисто человеческом плане, да и в смысле их политической философии. Это я понимал прекрасно!

Однако разве мог я в той предрассветной и по-своему символической кремлевской мгле предположить, что именно в тот день суждено зародиться по сути новому периоду в истории не только нашей страны, но и мирового сообщества. Периоду великих надежд, но и горьких разочарований, возвышенных стремлений, но и низких интриг.

Стоя в предрассветный час вместе с Горбачевым на кремлевском крыльце, разве мог я загадать наперед, какой причудливой синусоидой сложатся впоследствии наши отношения? Разве мог подумать, что начинавшийся новый политический период, получивший позднее название перестройки, период, задуманный как социалистическое обновление, избавление от пут, связывавших общество, будет использован некоторыми политиками и общественными силами в своих амбициозных целях, бесконечно далеких от интересов народа, а Отечество окажется на грани катастрофы?

Нет, конечно же, нет! В то раннее утро мысли мои не могли бежать дальше самой острой и самой главной задачи дня: кто будет избран Генсеком?

Распрощавшись, разъехались по домам, но договорились, что в восемь утра уже будем на рабочих местах.

Конечно, поспать в ту ночь мне так и не удалось. Да, честно говоря, и не до сна было. В восемь ноль-ноль я был уже на Старой площади, как говорится, оседлал телефоны, проверяя, как движутся подготовительные работы в Колонном зале, где предстояла процедура прощания, уточняя, прибывают ли в Москву участники Пленума ЦК и т. д. и т. п.

Примерно между девятью и десятью часами зазвонила «кремлевка» первой правительственной связи. Я снял трубку и услышал:

— Егор Кузьмич, это Громыко¹⁵...

За те два года, что я работал в аппарате ЦК КПСС, это был, пожалуй, один из немногих звонков Андрея Андреевича. Дело в том, что по текущим делам мы практически не соприкасались: Громыко занимался вопросами внешней политики, а для меня главной была сфера внутренней жизни. Мы с Андреем Андреевичем не раз беседовали после заседаний Политбюро, во время проводов и встреч Генерального секретаря в аэропорту «Внуково-2». Но телефонных общений было мало, поскольку мы не испытывали в них нужды.

И вдруг — звонок Громыко. В такой день!

Разумеется, я ни на миг не сомневался в том, что звонок связан с сегодняшним Пленумом ЦК КПСС, с вопросом об избрании ново-

го Генерального секретаря. И действительно, Андрей Андреевич, не тратя попусту времени, сразу перешел к делу:

— Егор Кузьмич, кого будем выбирать Генеральным секретарем?

Я понимал, что, задавая мне этот прямой вопрос, Громыко твердо знает, какой получит ответ; и он не ошибся.

— Да, Андрей Андреевич, вопрос непростой, — ответил я. — Думаю, надо избирать Горбачева. У вас, конечно, есть свое мнение. Но раз вы меня спрашиваете, то у меня вот такие соображения. — Потом добавил:

— Знаю, что такое настроение у многих первых секретарей обкомов, членов ЦК.

Это была сущая правда. Я знал настроения многих первых секретарей и счел нужным проинформировать Андрея Андреевича. Громыко проявил к моей информации большой интерес, откликнулся на нее:

— Я тоже думаю о Горбачеве. По-моему, это самая подходящая фигура, перспективная.

Андрей Андреевич как бы размышлял вслух и вдруг сказал:

— А как вы считаете, кто бы мог внести предложение, выдвинуть его кандидатуру?

Это был истинно дипломатический стиль наводящих вопросов с заранее и наверняка известными ответами. Громыко не ошибся и на этот раз.

— Было бы очень хорошо, Андрей Андреевич, если бы это сделали вы, — сказал я.

— Вы так считаете? — Громыко все еще раздумывал.

— Да, это было бы лучше всего...

В конце разговора, когда позиция Громыко обозначилась окончательно, он сказал:

— Я, пожалуй, готов внести предложение о Горбачеве. Вы только, Егор Кузьмич, помогите мне получше подготовиться к выступлению, пришлите, пожалуйста, более подробные биографические данные на Горбачева.

Звонок Громыко имел огромное значение. К мнению Андрея Андреевича в Политбюро прислушивались, и то обстоятельство, что он принял сторону Горбачева, могло в решающей степени предопределить исход выборов Генерального секретаря. Видимо, после вечернего заседания ПБ Громыко тщательно проанализировал не только складывавшуюся обстановку, но и вообще историческую перспективу. И к утру, что называется, окончательно определился. Не исключаю, что он звонил кому-либо еще из членов высшего политического руководства, но думаю, более того,

уверен: его звонок ко мне был первым. Приняв твердое решение, Громыко хотел, чтобы об этом решении сразу же узнал Горбачев. Он понимал, что наиболее прямой путь уведомить Горбачева о своих намерениях вел через меня.

Заканчивая разговор, Андрей Андреевич сказал:

— В десять часов я встречаюсь с французским министром иностранных дел Дюма. Но если я тебе понадобится, звони сразу, в любое время. Мне сообщат, я оставлю министра и подойду к телефону. Своих я предупрежу о твоём звонке.

Распроцавшись, я немедленно набрал номер Горбачева:

— Михаил Сергеевич, звонил Громыко...

Горбачев внимательно выслушал мое сообщение, потом сказал:

— Спасибо, Егор, за эту весть. Давай будем действовать. Было, наверное, около двенадцати. До Пленума оставалось пять часов.

Я пригласил своего заместителя Е. З. Разумова¹⁶, помощника В. Н. Шаркова, и мы сообща, быстро подготовили необходимые данные о Горбачеве. Запечатав конверт, фельдсвязью сразу же отправили его на Смоленскую площадь в МИД.

Было, наверное, около двенадцати. До Пленума оставалось пять часов.

Между тем, в моей приемной скапливалось все больше людей. Со всей страны машинами, самолетами прибывали члены Центрального Комитета партии. Многие первые секретари обкомов заходили ко мне, чтобы получше прояснить для себя ситуацию, высказать свои соображения.

Я уже писал, что хорошо знал многих первых секретарей. А за два года работы в ЦК моя связь с ними еще более упрочилась — собственно говоря, работа с обкомами прежде всего шла по линии орготдела. С некоторыми первыми секретарями отношения у меня были близкие, даже доверительные. Естественно, что по прибытии на чрезвычайно важный, я бы сказал, рубежный Пленум ЦК они шли в отдел, ко мне.

И хотя навалилось много дел по организации похорон, я считал важным, более того, необходимым, обязательным поговорить с каждым, кто пришел ко мне.

Можно было бы, конечно, принять всех сразу, целую группу секретарей обкомов. Так частенько поступал в дни Пленумов Брежнев. Секретари гурьбой вваливались в его кабинет, мест порой не хватало, помню однажды нам с Горбачевым, тогда еще секретарем крайкома, пришлось сидеть на подоконнике, начинался общий групповой разговор, который я, надо сказать, не любил, потому что ни одного конкретного вопроса в такой обстановке решить было невозможно. Правда, можно было услышать некоторые полезные

мысли, но чаще — дифирамбы в адрес Брежнева. А по этой части, надо сказать, среди секретарей встречались особые виртуозы, хотя и в невеликом числе.

Короче говоря, в тот день, 11 марта, я с ходу отмел мысль о том, чтобы принять сразу всех собравшихся в моей приемной. Приглашал по одному, но без какой-либо «селекции», как говорится, по живой очереди — кто подошел раньше, тот и был впереди. Но разговоры, конечно, по необходимости были краткими — минут по пять — семь, причем очень похожие. Сразу же следовал вопрос: — Егор Кузьмич, ну кого будем выбирать?

К этому вопросу я, разумеется, был готов и задавал встречный: — А как вы думаете? На ваш взгляд, кого следовало бы избрать?

Секретари обкомов, все до единого, называли Горбачева. Но с некоторыми беседы были, конечно, особо доверительными: я объяснял ситуацию подробнее, рассказывал о вчерашнем заседании Политбюро. Предупреждал, что не исключено выдвижение другой кандидатуры — многое будет зависеть от того, как пройдет заседание Политбюро, назначенное на три часа.

Несколько первых секретарей сказали мне, что в случае необходимости они готовы выступить на Пленуме ЦК в поддержку Горбачева. Причем не просто с собственным мнением, а от имени целой группы секретарей и членов ЦК. Как-то сама собой сплотилась своего рода инициативная группа, в которую вошли С. И. Манякин, Ф. Т. Моргун¹⁷, А. П. Филатов, еще несколько активных товарищей. Было решено, что во время заседания Политбюро они будут находиться вблизи моей приемной, а я обещал информировать их по телефону о том, как будут разворачиваться события на Политбюро.

Все находились в ожидании важных перемен. Понимал я и то, как переживает это Горбачев. А потому примерно в два часа дня позвонил ему:

— Михаил Сергеевич, были у меня секретари обкомов, человек пятнадцать — двадцать. В общем, есть группа секретарей, которые хотели бы выступить на Пленуме в поддержку. Если потребуется, конечно.

Горбачев ответил кратко:

— Что ж, это их право.

В три часа мы снова были в Кремле. Опять Горбачев сел в торцевой части стола заседаний, но снова не по центру, а сдвинувшись в сторону от места председательствующего. Он понимал, что сейчас разговор пойдет именно о нем, но именно ему и предстояло этот разговор начать.

После небольшой паузы Михаил Сергеевич сказал:

— Теперь нам предстоит решить вопрос о Генеральном секретаре. В пять часов назначен Пленум, в течение двух часов мы должны рассмотреть этот вопрос.

И тут поднялся со своего места Громыко.

Все произошло мгновенно, неожиданно. Я даже не помню, просил ли он слова или не просил. Главное, по крайней мере для меня, учитывая утренний звонок Андрея Андреевича, состояло в том, что Громыко стоял. Все сидели, а он стоял! Значит, первое слово — за ним, первое предложение о кандидатуре на пост Генсека внесет именно он.

Крупная фигура Громыко как бы нависала над столом, я бы даже сказал, подавляла. Андрей Андреевич заговорил хорошо поставленным, профессиональным, так называемым «дипломатическим» голосом:

— Позвольте мне высказаться, — начал он. — Я много думал и вношу предложение рассмотреть на пост Генерального секретаря ЦК КПСС кандидатуру Горбачева Михаила Сергеевича.

Громыко говорил весомо, убедительно, кратко охарактеризовал Горбачева, дав его политический портрет... За десятилетия у меня накопился немалый политический опыт. А в 1983–1985 годах, регулярно принимая участие в заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК, я понял своеобразные «правила игры» в высшем эшелоне власти, манеру поведения многих членов ПБ. И могу с уверенностью сказать, что выступление Громыко оказалось неожиданным для некоторых из них. Так я считал в тот момент, когда был непосредственным свидетелем и участником происходившего. Так же считаю и сегодня, по прошествии многих лет. И еще могу лишь с абсолютной достоверностью сказать следующее: в составе ПБ были люди, которые явно не одобрили выдвижение Горбачева, понимая, что им придется уйти в отставку.

Кстати говоря, в то время нередко проскальзывали разговоры о каком-то «завещании» Черненко якобы в пользу Гришина. Хотя такое «завещание» не обязательно оказало бы решающее влияние на избрание нового Генерального секретаря, оно, несомненно, затруднило бы выдвижение кандидатуры Горбачева, голоса могли расколоться. Как выяснилось позднее, никакого «завещания» не было.

Впрочем, чтобы не строить догадок, хочу опереться на объективные факты.

Дело в том, что в силу многолетней работы с Брежневым для Константина Устиновича такой человек, как Гришин, конечно же, был ближе по духу, чем Горбачев. И все-таки Черненко не встал на сторону Гришина, в ином случае, возможно, бы оста-

вил какой-то документ. Этот аппаратный человек, которого никак нельзя было назвать политическим деятелем крупного масштаба, но от которого волею судеб зависел выбор нового Генерального секретаря, стоя на краю могилы, проявил сильные гражданские чувства, с большой ответственностью отнесся к выбору преемника, не поддавшись на обхаживания.

В еще большей степени это можно сказать о Громыко. Андрей Андреевич тоже был деятелем брежневской эпохи. Исходя из соображений личного порядка, ему было бы выгоднее увидеть на посту Генерального секретаря человека, более послушного, близкого по духу и возрасту, — это гарантировало бы престарелому министру иностранных дел еще несколько относительно спокойных лет. Однако Андрей Андреевич занял принципиально иную позицию и по сути дела предопределил избрание Горбачева. Но, видимо, сказалось и то, что он чувствовал настроение многих членов ЦК.

В равной степени сказанное относится и к Устинову¹⁸, с которым у Горбачева сложились хорошие отношения. Когда Михаил Сергеевич звонил министру обороны, то порой начинал разговор шутливой фразой:

— Здравствуйте, товарищ маршал! Какие у тебя будут указания по части сельского хозяйства?

Известно, Устинов был человеком крутым, порой жестким. Он мог сурово раскритиковать, зато не давал людей в обиду, умел постоять за толкового человека. Прекрасно знал оборонные отрасли, был лично знаком со многими ведущими конструкторами, учеными. На заводах Дмитрия Федоровича поминают добрым словом по сей день. Для меня этот человек являлся олицетворением того поколения, которое ковало победу и славу Отечества. Кстати, у нас установились с Дмитрием Федоровичем хорошие отношения. Однажды он сказал:

— Егор, ты наш,ходишь в наш круг.

Какой «круг», что означает «наш», я не знал. Но твердо могу сказать: когда Устинов в декабре 1984 года скончался, нам очень недоставало его поддержки.

(В «Литературной газете» было опубликовано интервью с одним из бывших помощников Черненко¹⁹, где он утверждает, будто бы Устинов, будь он жив, наверняка в марте 1985 года выступил бы против избрания Горбачева Генеральным секретарем. Это опрометчивый вывод, основанный на незнании истинных фактов. Кстати, нетрудно предположить, что многие люди из окружения лидеров попытаются представить свою версию происходившего в бурные восьмидесятые годы. Как показывает приведенный пример, к такого рода свидетельствам надо относиться с осторожностью.)

Говорю обо всем этом вот к чему. Громыко, Устинова, Черненко, этих политиков прежнего поколения, так называемую старую брежневскую «гвардию», можно и нужно упрекать во многом. Немалая доля их вины в том, что к началу восьмидесятых годов страна оказалась в предкризисном состоянии. Но в историческом плане политических деятелей необходимо оценивать непредвзято. Все они были людьми своего времени — с вытекающими из этого крупными недостатками, но и определенными достоинствами. Наряду со справедливыми упреками в их адрес, мы должны видеть и то положительное, что внесли они на текущий счет истории.

И в этой связи нельзя не отметить, что «старая гвардия» в закатный час своей жизни проявила высокое чувство долга и ответственности. Когда со всей остротой встал вопрос о выборе нового Генерального секретаря, эти умудренные политики не пошли на поводу личных устремлений, а по сути дела поступили вопреки всей своей прежней философии, диктовавшей продолжить «брежневскую династию». Они заглядывали вперед.

Коротко можно было бы сказать так: чувство долга перед завтрашним днем помогло им подняться над личными политическими амбициями и соображениями. Это, кстати, вообще черта серьезных политиков с богатым опытом, заметно отличающая их от политиков-нуворишей, быстро взлетевших на волне популярности или карьерных интриг. В критический для родины час «старики» поступили вопреки самим себе, вопреки своим посмертным интересам. Люди опытни́ейшие, они, конечно, не могли не понимать, что при Горбачеве может быть принят новый политический курс.

И все-таки они поддерживали именно Горбачева!

И в этом — их преимущество над многими нынешними перевертышами от большой политики, озабоченными прежде всего амбициозностью и личными интересами.

Возвращаясь к тому поистине историческому заседанию Политбюро, когда решался вопрос о новом Генеральном секретаре, напомним, что первым поднялся Громыко. В тот раз Андрей Андреевич производил впечатление даже видом своим, самой позой, которая выражала твердость и решительность. Честно говоря, в целом мне не запомнилось, что именно говорил Громыко — в отличие от яркой речи о Горбачеве, произнесенной им через два часа на Пленуме ЦК КПСС. В памяти отложились лишь слова о том, что Михаил Сергеевич — человек больших потенциальных возможностей.

Но дело было, разумеется, не в словах. За столом заседаний Политбюро собрались люди опытни́ейшие, в политике и в «дворцовых»

делах искушенные. Позиция Громыко определяла очень многое, расклад сил становился ясным, в этой ситуации противоборство никому не сулило ничего хорошего.

В общем, после Громыко поднялся Тихонов²⁰, который тоже поддерживал кандидатуру Горбачева. Затем начали выступать остальные члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК. Как все это не походило на предыдущее заседание, проходившее всего лишь накануне вечером! Накануне, когда в воздухе явственно витало противодействие Горбачеву, размытость суждений была направлена на то, чтобы «утопить» вопрос. Но 11 марта, после четкого и ясного заявления Громыко, остальные члены ПБ вынуждены были выступать по принципу «за» или «против».

Все высказались «за».

Потом, кстати, по Москве ходило немало слухов о том, что голоса на заседании Политбюро якобы разделились и что все, мол, решило отсутствие Щербицкого. Строилось немало догадок о том, кто голосовал «за», а кто «против». Но все это были именно слухи: на самом же деле все члены ПБ и секретари ЦК высказались за Горбачева.

Примерно через час, когда ситуация окончательно определилась, я вышел в приемную залу заседаний ПБ и позвонил своему секретарю:

— Передайте товарищам, которые со мной хотели еще раз встретиться, чтобы они к пяти часам были на Пленуме ЦК. — И добавил:

— Передайте, что все идет, как надо...

О том, что происходило непосредственно на Пленуме, широко известно. Предложение об избрании Горбачева от имени Политбюро внес Громыко. Его поддержали, и никто больше не выступал. Горбачева избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС единогласно.

Вечером того же дня я от души поздравил Михаила Сергеевича, и он сказал в ответ:

— Ты представляешь, Егор, какую огромную тяжесть мы на себя взвалили!

В те дни я много думал о трудностях объективного, так сказать, внешнего характера, если под понятием «внешние» иметь в виду всю совокупность политических и социально-экономических условий, сложившихся в стране и вокруг нее. И не сомневался, что в дружной работе по-новому, выдвинув на острие этой работы М. С. Горбачева, мы сумеем преодолеть эти трудности. Но я, конечно, не мог тогда предположить, что через три года начнут накапливаться трудности «внутренние» — непосредственно внутри

высшего эшелона власти и что именно эти трудности окажутся непреодолимыми, в конечном счете поставив по удар все первоначальные замыслы, приведя страну к упадку.

Вот произошло, состоялось избрание Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. Хорошо зная обстановку, складывавшуюся в верхнем эшелоне власти в последние месяцы жизни Черненко, я считал и считаю, что события могли бы пойти совсем по иному сценарию. Именно поэтому в 1988 году на XIX партконференции я и сказал, что в тот период мы пережили тревожные дни, существовала реальная опасность иного решения.

<...>

В марте 1985 года партия всего лишь менее суток оставалась без Генерального секретаря, а страна — без лидера. И это необычно стремительное развитие событий было предвестием грядущих перемен.

